

УДК: 94(571).084.3

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКО-КОЛОНИЗАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ В СИБИРИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х ГОДОВ
(по материалам газеты «Советская Сибирь»)**

А. Ю. Карпинец

**SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTING RESETTLEMENT AND COLONIZATION POLICY
IN SIBERIA IN THE FIRST HALF OF THE 1920s
(as revealed in «Soviet Siberia» newspaper)**

A. Yu. Karpinets

В настоящей статье, созданной в основном по материалам газеты «Советская Сибирь» выявляются некоторые из основных проблем и раскрываются особенности реализации переселенческо-колониционной политики в Сибири в период первой половины 1920-х гг.; раскрываются отдельные вопросы организации, законодательного и финансового обеспечения процессов переселения и хождения в Сибирь в указанный период; производится оценка эффективности осуществления первой советской переселенческо-колониционной кампании 1924/1925 г.

Анализ материалов сибирской периодической печати по теме исследования позволил выявить непосредственную реакцию властных структур и общества на реализацию переселенческой политики правительства, отразить основные направления деятельности органов власти по претворению в жизнь переселенческо-колониционного законодательства, определить и раскрыть, прежде всего, «болевые точки» переселенческого движения первой половины 1920-х гг. В результате удалось прийти к ряду выводов, не получивших должного отражения в исследовательской литературе.

Революционные преобразования 1917 – 1919 гг. в России не решили проблемы аграрного малоземелья в центральных губерниях страны, и новая верховная власть была вынуждена реагировать на массовые бесконтрольные перемещения крестьян. Кропотливая работа по изучению вопроса, нормативно-правовое обеспечение организации миграционных процессов, ряд предварительных работ первой половины 1920-х гг. подготовили активную переселенческо-колониционную программу второй половины 1920-х – начала 1930-х гг.

К существенным недостаткам первой советской переселенческо-колониционной кампании 1924/1925 г. в Сибири можно отнести незначительность её финансового обеспечения, несвоевременный перевод денежных средств на места, ограниченность административного аппарата по организации и обслуживанию переселенческого движения вследствие чего оказался слабо подготовленным колониционный фонд, плохо организованы процессы предварительного осмотра участков вселения, перемещения переселенцев и их водворения на новом месте.

Произведённое автором исследование позволило приблизиться к реконструкции некоторых актуальных проблем и особенностей реализации советской переселенческо-колониционной политики на начальном этапе, что может углубить знания по объекту исследования и способствовать внесению определённых дополнений и корректив в изучение проблемы.

Basing on the materials of the «Soviet Siberia» newspaper, the paper focuses on the main problems and features of implementing the resettlement and colonization policy in Siberia in the first half of the 1920s, as well as some issues of the organization, legislative and financial security of processes of resettlement and to Siberia during the specified period; the efficiency of the first Soviet resettlement and colonization campaigns of 1924 – 1925 is assessed.

The analysis of the Siberian periodicals materials devoted to this topic allowed to reveal the reaction of the authorities and the society to the implementation of the government's resettlement policy, to reflect the main activities of the authorities for implementing the resettlement and colonization legislation, and to define and outline primarily the «sore points» of the resettlement movement of the first half of the 1920s. As a result, some conclusions were made, which hadn't received due reflection in research literature.

Revolutionary changes of 1917 – 1919 in Russia didn't solve the problem of agrarian shortage of arable land in the central provinces of the country and the authorities were compelled to react to mass uncontrolled movements of peasants. Proper elaboration of the problem, providing legal support for implementing the process of resettlement, and a number of preliminary activities of the first half of the 1920s prepared the active resettlement and colonization programme of the second half of the 1920s – early 1930s.

The pitfalls of the resettlement and colonization campaign of 1924 – 1925 in Siberia were: low financial security; delays in money transfers to destinations, limited administrative facilities for organizing and servicing the resettlement movement. As the result, the colonization fund was poorly prepared, preliminary explorations of resettlement sites were badly implemented, movement of immigrants and their settlement in new places were badly organized.

This study facilitated some the reconstruction of some actual problems and features of realization Soviet resettlement and colonization campaigns at the initial stage, which our deepen knowledge of the researched object and promote introduction of certain amendments to studies of this problem.

Ключевые слова: история Сибири первой половины 1920-х годов, организация, законодательное и финансовое обеспечение процессов переселения и хождения в Сибирь, проблемы колонизации Сибири, оценка эффективности осуществления первой советской переселенческо-колонизационной кампании 1924/1925 года.

Keywords: history of Siberia of the first half of the 1920s, organization, legislative and financial security of the processes of resettlement to Siberia, problems of colonization of Siberia, assessment of efficiency of the first Soviet resettlement and colonization campaigns of 1924 – 1925.

Революция 1917 г. в России не решила аграрный вопрос, сохранив проблему крестьянского малоземелья, а кровопролитная гражданская война, унёсшая жизни более десятка миллионов человек, тем не менее, не способствовала предотвращению перенаселения деревни черноземных губерний. С победным завершением основных боёв на фронтах гражданской войны перед новой властью встала задача восстановления курса переселенческо-колонизационной политики, достаточно успешно осуществлявшегося в период конца XIX – начала XX в и частично решавшего обозначенные проблемы.

Осуществлявшиеся в период 1917 – 1919 гг. крестьянские миграции, по сути, никак не регулировались и слабо контролировались государственной властью. В Сибирь в указанное время двигались те, кто, ликвидировав хозяйство на родине, и, зачислив за собой земельный участок в Сибири, на свой страх и риск осуществляли переселение, а также в основном нищие и обездоленные массы населения. Подобные миграции зачастую носили временный, вынужденный характер, целью которых было не столько создание на месте водворения прочного, крепкого хозяйства, сколько элементарное выживание.

Подавляющее число переселенцев периода 1917 – начала 1920-х гг. представляло собой совершенно разорённые хозяйства, не обладавшие ни деньгами, ни сельскохозяйственным инвентарём. Таких переселенцев нельзя было назвать «твёрдым колонизационным элементом», который требовался государству. В то же время власти были вынуждены оказывать содействие десяткам тысяч голодающих, которые двигались в Сибирь из местностей, которые постигли неурожай, преимущественно из Поволжья [7]. С целью должной организации соответствующих переселений создавались специальные комитеты и тройки. Органы государственной власти способствовали размещению и трудоустройству прибывавших масс [4].

В 1920 г. Народным комиссариатом земледелия (Наркомземом) были разработаны «Правила об организации хождения и переселения на государственный колонизационный Фонд Р. С. Ф. С. Р.». Согласно документу переселение на государственный колонизационный фонд РСФСР и процесс выявления земли для переселения посредством хождения допускался только с разрешения уездных земельных отделов. Наркомат земледелия определял время начала и пути следования ходебского и миграционного движения, а также районы водворения новосёлов.

Закон также обозначал категории потенциальных новосёлов, к которым относил, во-первых, трудящихся, не получивших земельного обеспечения по месту жительства, объединённых с целью более эффективного поселения на новом месте в коллективы (артели и товарищества), а во-вторых, в исключительных слу-

чаях отдельных семей трудящихся. Желающие отправиться на переселение должны были подать заявление в местный уездный земельный отдел, в котором обязаны были обозначить причины переселения, численный состав группы или семьи, её хозяйственное и имущественное положение, наконец, место предполагаемого водворения.

Уезмотделы, удостоверившись в основательности ходебства, при наличии общего разрешения на миграцию в данном году и из данной губернии, должны были выдавать уполномоченным представителям ходебские удостоверения, формировать группы ходебков и организовано отправлять их на осмотр планируемого места вселения и зачисление за собой конкретных земельных участков. Вернувшись на родину, потенциальные новосёлы для получения переселенческого удостоверения, должны были передать в пользование волзмотдела имеющиеся полевые и усадебные участки, а также получить вознаграждение за постройки и не подлежащий перемещению инвентарь. После этого осуществлялась перевозка переселенцев до места водворения без права возвращения на прежнее место [3].

Таким образом, официальное переселение касалось не всех категорий граждан, было обставлено массой ограничений, к тому же не предполагало никаких льгот, поэтому подавляющее число мигрантов следовало в Сибирь без официального разрешения, размещались там, где хотели, в случае неуспеха предприятия могли вернуться назад. Нелегальные миграции широких масс населения, безусловно, вносили хаос в стройность государственного порядка. В Сибири заселялись самые плодородные и обжитые области, где возникала та же самая угроза малоземелья, как и в центральной России, с другой стороны Сибирь располагала огромными пространствами необустроенных земель, после определённой подготовки, вполне пригодных для заселения и хозяйственного освоения. Поэтому власти вынуждены были озаботиться должной организацией процесса массовых перемещений населения центральных губерний за Урал.

В начале 1921 г. Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР утверждалось: в основание всего сибирского хозяйства должен быть положен, прежде всего, сельскохозяйственный план, поскольку сельское население Сибири составляло до 90 %, а доход от сельскохозяйственной деятельности более чем в 3 раза превышал доход от промышленности. Поэтому первоначально советской властью предполагалось сделать Сибирь продовольственной и сырьевой (а не промышленной) базой России. Причём большое значение придавалось росту миграционного движения из регионов центральной России за Урал с целью решения продовольственных проблем и преодоления нужды земельной недостаточности российского крестьянст-

ва. В связи с этим предполагалась организация мероприятий по подготовке земельного фонда восточных окраин страны [9].

Планы правительства были сорваны начавшимися в стране массовым голодом и эпидемиями. С целью предотвращения распространения эпидемии холеры постановлением Совета народных комиссаров (СНК) от 21.06.1921 г. запрещалось выдавать разрешения на переселение в Сибирь [20]. Таким образом, действие «Правил...» 1920 г. автоматически приостанавливалось, и, вплоть до 6 июля 1925 г. официально переселение было закрыто. Тем не менее, осуществлялась определённая подготовительная работа с целью более качественной постановки переселенческого дела и государственного регулирования миграционных мероприятий. Для определения приоритетных направлений реализации переселенческой и землеустроительной политики в Сибири летом 1922 г. прошла Сибирская земельная конференция, в ходе которой были намечены основания будущей переселенческо-колониционной кампании, как то, например, замена стихийного перемещения крестьян за Урал планомерной организацией процесса, создание особого аппарата для эффективной организации колониционных мероприятий, установление имущественного ценза для переселенцев и др. [13]

Одна из резолюций конференции требовала прекратить практику стихийных и неконтролируемых миграций и поручить Сибземуправлению при содействии губземуправлений в течение второй половины 1922 г. разработать и представить «общесибирский хозяйственный план колонизации» [7]. Таким образом, с этого времени начинается активное изучение вопроса, организуется деятельность по проведению землеустроительных работ в Сибири, а также мероприятий по устройству массы скопившегося «неприписного» населения [16].

Указанные правительственные мероприятия способствовали появлению и быстрому распространению слухов о возобновлении процесса организованных переселений, прерванного революционными потрясениями. В связи с этим в Наркомзем начинают поступать массовые заявления о переселении. Кроме того, значительное число граждан приезжает в Москву с целью получения разрешения на переселение, многие отправляются на переселение без всякого разрешения.

С целью прекращения несанкционированных переселений и для информирования местных земельных органов Наркомзем на страницах газеты «Беднота» от 27 мая 1923 г. за № 1525 публикует объявление под заголовком «Переселение пока не открыто. Выдача разрешений на ходачество не допустимо», которым запрещало губернским и уездным земельным органам выдачу документов, разрешающих ходачество или переселение, а также предупреждало нелегальных мигрантов, об отсутствии со стороны государства какого бы то ни было содействия [18].

Следует отметить, что запреты не помогали. Несмотря на сотни «обратников» и запретные увещания правительства нелегальная миграция в Сибирь была достаточно распространённым явлением. Крайняя степень земельной нужды и буквально бедственное положение крестьян на родине способствовали

распространению слухов о «сибирской земле обетованной» и массы крестьян «срывались» и нелегально осуществляли переселение в Сибирь. Само собой разумеется, нелегальная миграция являлась источником социального напряжения в Сибири и установление государственной властью контроля за миграционными потоками представлялось явлением крайне необходимым [12].

Только с середины 1920-х гг. правительству удалось в какой-то степени восстановить программу реализации системы колониционно-переселенческих мероприятий. Официально переселение в Сибирь было открыто декретом Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) от 6 июля 1925 г. «Об открытии планового переселения в районы Поволжья, Сибири и Дальне-Восточной области» по которому в Сибири разрешалось переселяться на территорию Омской, Новониколаевской, Томской, Иркутской и Енисейской губерний [15].

Таким образом, снова были поставлены задачи создания в Сибири прочных крестьянских хозяйств и вовлечения в сельскохозяйственный оборот пустующих земель. Первоначально предполагалось допускать к переселению только состоятельные семьи, имеющие материальное обеспечение не менее 800 руб. на хозяйство [19, с. 142], что требовалось для:

- а) подготовки переселенческого участка к сельскохозяйственному использованию;
- б) приобретения живого и мёртвого инвентаря и хозяйственного оборудования;
- в) возведения жилых и хозяйственных построек;
- г) обеспечением продовольствием семьи переселенца не менее чем на год со дня переезда;
- д) оплаты переезда и провоза скота и клади по льготному тарифу...» [11, с. 45] и пр.

Впоследствии, после крушения радужных надежд правительства на наличие большого количества состоятельных переселенцев, и, напротив, наплыва малоимущих крестьян, 30 июля 1926 г. постановлением президиума ЦИК СССР понижалась величина требуемого от новосёлков уровня материальной обеспеченности до 600 руб. на семью и увеличивались размеры государственного ссудного кредитования мигрантов [10, с. 132].

К концу 1924 г. Наркомзем СССР разрешил посылку ходоков в Сибирь для осмотра и зачисления свободных земельных участков. Первые ходоки прибыли в Сибирь в феврале 1925 г., когда ещё лежал снежный покров, и осмотреть земельный участок было невозможно по объективным обстоятельствам. Прибывшие ходоки, не имея возможности осмотреть предложенные им участки, произвели зачисление земель «на веру» местного населения. Впоследствии многие из этих участков были забракованы, и прибывшие с семьями переселенцы вынуждены были отказываться от зачисленных участков и подыскивать себе новые, пригодные для хозяйствования земли, обрекая семью на дополнительные временные трудности. Это была одна из первых ошибок первой советской переселенческой кампании.

Совместно с «плановыми» переселенцами в Сибирь по сложившейся традиции «хлынули» и «само-

вольцы». Самовольное переселение практиковалось и прежде, но никогда оно не было столь массовым, как в первый год советского планового переселения. Так, уже к маю 1925 г. самовольческое движение стало принимать настолько угрожающие размеры, что возникла необходимость принять экстренные меры для его сдерживания. Тем не менее, Главные земельные управления губерний, всех принимая, по возможности устраивали их на переселенческие и запасные участки.

«Массовое самовольство» было связано со следующим:

- во-первых, спрос на переселение, который сдерживался в предшествующие 1917 – 1924 гг., намного превысил разрешённый размер переселения (50 тыс. человек);

- во-вторых, предъявляемое к новосёлам требование имущественной состоятельности заставляло их уклоняться от легального переезда;

- в-третьих, открытие свободы миграции в Сибирь явно запоздало и многие желающие переселиться легально, отчаявшись в получении официального разрешения, отправлялись в путь без наличия такого, наконец, государственная власть не смогла предложить выгодных для крестьян условий для переезда.

Заведующий Томским главным земельным управлением (ГЗУ) Антипов писал также о не осведомлённости переселенцев с законодательством в области переселенческой политики государства [1, с. 6]. В общем, всё это в совокупности привело к значительному преобладанию «самовольных» переселенцев над «плановыми» в период переселенческой кампании 1925 г.

Общий размер переселенческого движения 1925 г. (по состоянию на 1 сентября) выразился в цифре 78188 человек, из которых «плановых» было 12547 чел. (22 %), «самовольных» – 57044 чел. (78 % !/), ходоков «плановых» – 1533 чел. (21 %), ходоков «самовольных» – 7064 чел. (79 % !/). Таким образом, можно констатировать факт: уже к середине переселенческо-колониционной кампании 1925 г. формальное задание центра на переселение и устройство в Сибири 50 тыс. переселенцев было выполнено на все 100 %.

Следует заметить, приведёнными в таблице официальными статистическими данными далеко не исчерпывается земледеление самовольных новосёлов, так как зачастую они, прибыв в Сибирь, по крайней мере, на первых порах пользовались землёй без её зачисления через земельные органы. Также стоит учесть, что хотя по официальным сведениям к началу кампании 1925 г. колониционный фонд был рассчитан на 148 тыс. «едоков», на самом деле многие из участков были слабо подготовлены для заселения, вследствие чего новосёлы вынуждены были отказываться от зачисленных за ними участков, подыскивая более выгодные варианты. Всё это свидетельствует о том, что реальную картину происходивших событий при анализе официальных источников восстановить можно лишь крайне приблизительно.

С целью снижения остроты социальных противоречий в колонизируемых местностях местные органы государственной власти, заинтересованные в скорейшем разрешении проблемы, вынуждены были прини-

мать меры и идти на определённые уступки в деле земледеления новосёлов. Так, в частности, с целью удовлетворения спроса на землю под переселение были предоставлены некоторые доходные статьи из госземимущества, «в которых не было заинтересованности местного населения». Наиболее широко практиковалось зачисление на государственные земельные имущества по Щегловскому уезду Томской губернии.

Всего же из госземимущества в колониционный фонд было передано свыше 50 тыс. десятин на 7656 едоков. Кроме того, значительная часть переселенцев по распоряжению местных земельных органов власти определялась в старожильческие селения «в порядке доприселения на выявленные земельные излишки» (!). Каким образом выявлялась степень «излишества» – это отдельный и непростой вопрос.

Таким образом, стоит отметить, что колониционный фонд первой советской переселенческо-колониционной кампании был подготовлен весьма слабо. Бюджет на заготовку колониционного фонда был более чем скромнен и составил в 1925 г. всего лишь 11880 руб., что было значительно меньше, чем на подобного рода мероприятия расходовали в царской России, столь критикуемой новой властью. Причём на обозначенный кредит были в основном проведены работы по изысканию земельных излишков в старожильческих селениях и на уже освоенных переселенческих участках. Нужно учесть, что данный источник пополнения земельных ресурсов под нужды переселения в 1925 г. уже фактически иссяк и в дальнейшем колониционные работы неизбежно должны были развернуться на таёжных и болотистых (урманных) пространствах Сибири, что потребовало бы гораздо больших финансовых затрат.

Для обслуживания переселенческого движения в 1925 г. в Сибири было открыто 10 переселенческих пунктов: Омский, Новониколаевский, Юргинский, Томский, Щегловский, Барановский, Ачинский, Красноярский, Канский и Иркутский. На их оборудование и содержание из госбюджета было отпущено 23795 руб., на питание переселенцев – 12 тыс. Незначительность выделенных денежных средств, а также запоздалый (6 июня) их перевод на места, когда миграционная кампания была уже в самом разгаре, не позволили надлежащим образом оборудовать открытые переселенческие пункты, а потому большинство из них были лишь условно пригодны для пребывания в них переселенческого контингента. Так, только Омский, Томский, Тулуновский и Иркутский пункты имели специальные помещения, остальные же размещались либо в наскоро приспособленных временных помещениях, либо в вагонах.

Медиико-санитарное обслуживание переселенцев по мере их следования в Сибирь осуществлялось органами Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава), размещавшихся по линии путей сообщения. Несмотря на не вполне благоприятные условия содержания переселенцев на пунктах, эпидемических заболеваний в кампанию 1925 г. не было, (повезло!). Размещение новосёлов в местах водворения производилось агентами по водворению Наркомзема, которых по всей территории Сибири было всего лишь 11 человек [17, с. 2 – 3].

Таким образом, следует отметить: «переселенческий» фонд Сибири требовал значительно более серьёзной подготовки. В период 1896 – 1916 гг. все более-менее удобные для заселения земли были выбраны под переселение, в 1917 – 1924 гг. никаких значительных мероприятий по подготовке новых земель не проводилось. Заведующий Томским Главным земельным управлением (ГЗУ) Антипов свидетельствовал о полной неизученности заселяемых земель органами Наркомзема. Так, он писал: «полное незнание Наркомземом и аппаратами губзема на местах колонизационного фонда создаёт такое положение, когда переселенцы, попав на свой участок, немедленно же начинают оттуда бежать» [1].

Сибирь ко времени её «советской колонизации» располагала свободными землями, расположенными преимущественно в таёжной зоне или безводной степи, в большинстве случаев без дорог, ирригационных сооружений и развитой бытовой и социальной инфраструктуры, удалённые от рынков сбыта и железной дороги. Одним словом, существующий фонд был малопригоден для немедленного заселения, что и подтвердилось во время кампании 1925 г., которая во многом, по нашему мнению, была авантюрной вследствие низкой степени её подготовленности.

Проблемами реализации переселенческо-колонизационной политики в Сибири Наркомзем начал вплотную заниматься лишь с 1923/1924 г. и вплоть до формирования общегосударственной сметы на 1925 г. не было однозначной и окончательной определённости по вопросу миграционной политики. Не было чётко продуманного плана действий, отсутствовали обоснованное планирование и детальная организация колонизационных мероприятий. Переселенческая кампания 1925 г. в большей степени походила на эксперимент, нежели на научно обоснованное государственное предприятие.

Всё это привело к тому, что твёрдое и однозначное задание по губерниям Наркомземом через Сибземууправление было дано только в конце 1924 г. Причём плановые показатели впоследствии вольно и существенно редактировались. Например, первоначально Томскому ГЗУ было дано задание принять и разместить на территории губернии 5 тыс. переселенцев, аппарат губземууправлений не был подготовлен к приёму мигрантов, не только «самовольных», но и «плановых». В своей критической статье ответственный за организацию переселенческо-колонизационного дела в Томской губернии дал крайне нелицеприятную оценку общей постановки кампании 1925 г. В частности, он, отмечал, что для нормального приёма переселенцев не было главного – денег.

Таким образом, следует признать, что первая советская, во многом «экспериментальная», переселенческая кампания 1924/1925 года, которую намеревались провести в основном за счёт собственных средств переселенцев, провалилась во многом по причине низкого уровня материальной обеспеченности подавляющей массы новосёлов, и нужно было срочно изыскивать средства для проведения более эффективной кампании следующего года. Отсутствие необходимых финансовых и кадровых ресурсов – одна из главных проблем первых советских переселенческих

кампаний. К примеру, для оборудования переселенческого земельного фонда было запланировано проведение мелиоративных работ, на осуществление которых в 1925 г. требовалось полмиллиона руб. Причём из них 3,5 % предполагалось оплатить из средств местных бюджетов, 14 % – из госбюджета, а 82,5 % (!) – из средств населения, кооперируемого в мелиоративные товарищества [6, с. 9].

Подобного рода расклад был не мыслим в условиях столыпинского переселения, когда подавляющая и значительная масса финансовых средств отпускалась именно из государственного бюджета, а персонал переселенческих организаций на местах был достаточен для проведения широкомасштабных колонизационных работ [4]. Следует заметить, что подобного же рода проблема была характерна и для первоначальных переселенческих кампаний 1906 – 1909 гг., но, к сожалению, советские организаторы и проводники политики «порвали с прошлым» и отказались от использования предшествующего опыта, а значит, вынуждены были вновь совершить те же самые ошибки.

Финансовую несостоятельность государственной власти в переселенческом деле дополняли сами переселенцы, поскольку их подавляющая масса представляла собой деревенскую бедноту, не способную стать «твёрдым колонизационным элементом». Уровень материального достатка новосёлов ярко характеризует фраза одного из десятков тысяч подобных ему переселенцев. Так, на вопрос о причинах смены места жительства и самовольного прибытия в Анжеро-Судженский район он ответил: «Всё равно с голоду пришлось бы помирать. На полутора десятинах не поработаешь. Дополнительных заработков нет никаких. Ложись да на воду дуй!» [8, с. 7].

В общем, первый блин оказался таким, каковым ему быть и положено. Всё это способствовало многократному преобладанию «самовольных» переселенцев в общей массе переселенческого потока. Не внушала дополнительного оптимизма и кампания 1926 г. В качестве примера, возьмём ситуацию в Енисейской губернии. Так, к 1 августа 1925 г. в губернии было зачислено 2329 семей с 15194 «едоками». Из них «плановых» переселенцев было 1738 семей с 11719 «едоками», «самовольцев» – 591 семья с 3475 «едоками». Более всего новосёлов (887 семей) было определено в Хакасский уезд, меньше – в Минусинский, который вследствие недостатка свободных земель было решено в 1926 г. закрыть для переселения. Минусинский корреспондент газеты «Сибирская жизнь» со слов работника губернского управления земельных улучшений свидетельствовал, что «переселение по-прежнему идёт самотёком, и остановить его почти не представляется возможным... Едут сюда в одиночку, семьями, а нередко и посёлками, и самовольно расселяются по уезду предполагая, что с занятой земли не прогонят. Приехавшие, случайно устроившись, обычно пишут на родину о минусинском привольном житье-бытье, тем самым порождая новую переселенческую волну... Это вносит большую путаницу и ненужный хаос в процесс землеустройства, создаёт естественную вражду между коренным и пришлым населением. Кроме того, в некоторых районах, вследствие самовольного расселения, значительно сократилась по-

душная посевная площадь. Так, например, в Субботниковском районе вместо 5 – 7 дес., теперь приходится «на нос» не более 3,5 дес. пахотной земли» [2, с. 6]. Стоит отметить, что подобная же ситуация была характерна и для других районов Сибири.

К концу 1925 г. по подсчётам местного земельного управления пригодного для заселения колонизационного фонда оставалось в Ачинском уезде на 15 «едоков» 112 десятин и в Красноярском (вместе с упразднённым Енисейском) уезде на 6483 едоков в размере 45493 дес. В связи с этим из Сибземуправления губернскому земельному управлению было выслано 2000 руб. на подготовку колонизационного фонда и уведомление о направлении в 1926 г. на территорию Енисейской губернии 20 тыс. человек. К концу сентября 1925 г. на выявление и оборудование колонизационного фонда в губернии была выделена дополнительная, уже более существенная сумма в размере 25 тыс. руб. [5, с. 4].

Нельзя сказать, что не было попыток решения проблем реализации переселенческо-колонизационной политики. В центре и на местах кипела работа по выявлению недостатков и планированию колонизационных мероприятий. В частности, дискуссионные вопросы практической реализации переселенческой политики обсуждались на совещаниях представителей главных земельных управлений сибирских губерний. В прениях по докладам о проведении землеустройства и переселения в Сибири приоритетное внимание отводилось вопросам организации землеустроительной сети, финансового обеспечения работ и общих условий переселения. Общее одобрение получили мнения о необходимости качественного совершенствования переселенческого дела.

Высказывались предположения о том, что необходимо как минимум удвоить количество участковых землеустроителей, понизить стоимость землеустроительных работ, финансируя часть средств на землеустройство из бюджета, признавалось необходимым содержание за счёт госбюджета административно-землеустроительного аппарата, что, предположительно снизило бы до 50 % стоимость работ. Указывалось на важность принять решительные меры к прекращению самовольных переселений, дестабилизирующих переселенческий процесс, отмечалось в качестве первоочередных мероприятий земельных органов ус-

ройство неприписанного населения, производство внутригубернского расселения некоторых районов, детальное исследование колонизационного фонда и его оборудование, а уж затем приём переселенцев [14, с. 10].

Конкретная реализация обозначенных мероприятий зависела от политической воли проводников переселенческо-колонизационной политики, финансовых возможностей государства и совокупности других факторов, которые следовало учитывать при планировании дальнейшего освоения территории Сибири.

Таким образом, можно констатировать факт, что революционные преобразования не решили проблемы аграрного малоземелья в центральных губерниях страны и власти были вынуждены реагировать на массовые бесконтрольные перемещения крестьян. Работа по изучению вопроса, нормативно-правовое обеспечение организации процесса переселения, ряд предварительных подготовительных работ первой половины 1920-х гг. подготовили активную переселенческо-колонизационную программу второй половины 1920-х – начала 1930-х годов.

К существенным недостаткам первой советской переселенческо-колонизационной кампании 1924/1925 г. в Сибири можно отнести незначительность её финансового обеспечения, несвоевременный перевод денежных средств на места, ограниченность административного аппарата по организации и обслуживанию переселенческого движения вследствие чего оказался слабо подготовленным колонизационный фонд, плохо организованы процессы предварительного осмотра участков вселения, перемещения переселенцев и их водворения на новом месте. Незамедлительное решение обозначенных проблем стало одной из главных задач следующей кампании [22, с. 88 – 91].

В целом же следует отметить, что переселенческо-колонизационная политика периода 1920-х гг. являлась логичным продолжением аналогичной политики 1896 – 1916 гг., по сути дела решая одни и те же задачи фактически одинаковыми методами. Причём период первой половины 1920-х гг. являлся подготовительным по отношению к развернувшимся с середины 1920-х гг. переселенческо-колонизационным кампаниям, продолжавшимся вплоть до начала 1930-х гг., когда произошла смена форм и методов колонизации Сибири.

Литература

1. Антипов. Большой вопрос. Статья заведующего Томским ГЗУ тов. Антипова // Советская Сибирь. Ежедневная газета Сибирского краевого Комитета РКП (б), Сибревкома, Новониколаевского Округкома и Окрисполкома. – Четверг. – 2 июля. – 1925 года. – № 148 (1687).
2. В. Ц. Что дало землеустройство. От нашего минусинского корреспондента // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – Среда. – 25 ноября. – 1925 года. – № 270 (1809).
3. Действия и распоряжения правительства // Советская Сибирь. – 1920. – № 180 (251) (13 авг.). – Л. 4.
4. Карпинец, А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896 – 1916 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А. Ю. Карпинец. – Кемерово: КемГУ, 2003.
5. Клюге, А. Переселение в Енисейскую губернию. Письмо из Красноярска / А. Клюге // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – 18 октября 1925 года. – Воскресенье. – № 239 (1778).
6. Мелиорация Сибири. Сибирское мелиоративное совещание // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – 26 апреля 1925 года. Воскресенье. – № 95 (1634).
7. Нужда в области немцев Поволжья // Советская Сибирь. – 1921. – № 228 (588) (20 окт.). – Л. 3.

8. Обский, С. Переселение на риск. От нашего томского корреспондента / С. Обский // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – 30 июля 1925 года. – Четверг. – № 172 (1711).
9. Основные положения сельскохозяйственного плана в Сибири // Советская Сибирь. – № 10 (379) (16 янв.). – Л. 3.
10. Переселенческое дело: сб. декретов и распоряжений по переселению / под ред. М. А. Большакова. – М., 1927.
11. Правила по колонизации и переселению // Переселенческое дело: сборник декретов и распоряжений по переселению / под ред. М. А. Большакова. – М., 1927.
12. Сергеев, С. Первоочередные задачи переселения / С. Сергеев // Советская Сибирь. – 1922. – № 142 (792) (29 июня). – Л. 1.
13. Сибирская земельная конференция // Советская Сибирь. – 1922. – № 146 (796) (4 июля). – Л. 3.
14. Сибирское земельное совещание. Прения по докладам о землеустройстве и переселении // Советская Сибирь. – Среда. – 25 апреля 1925 года. – № 97 (1636).
15. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1925. – Отдел I. – № 49. – Ст. 371.
16. Старков, П. Землеустройство и колонизация в Сибири / П. Старков // Советская Сибирь. – 1923. – № 117 (1064) (31 мая). – Л. 6.
17. Старков, П. Как идёт колонизация Сибири / П. Старков // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – Суббота. – 26 января 1925 года. – № 220 (1759).
18. Старков, П. Переселение пока не открыто. Выдача разрешений на ходачество недопустимо / П. Старков // Советская Сибирь. – 1923. – № 187 (1134) (23 авг.). – Л. 2.
19. Условия для переселения в Сибирь и на Дальний Восток // Переселенческое дело: сборник декретов и распоряжений по переселению / под ред. М. А. Большакова. – М., 1927.
20. Действия и распоряжения Советской власти // Советская Сибирь. – 1921. № 173 (533) (16 авг.). – Л. 4.
21. Советская Сибирь. – 1921. – № 167 (527) (9 авг.). – Л. 3.
22. Подробнее об этом см.: Карпинец, А. Ю. Проблемы и особенности реализации в Сибири переселенческо-колониционной кампании 1924/1925 года: материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года / под ред. А. Н. Глушкова. – Кемерово, 2012. – Вып. 4.

Информация об авторе:

Карпинец Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Института экологии человека СО РАН, 8(384-2)58-40-16, noi@history.kemsu.ru, naukarpinets@mail.ru.

Aleksey Yu. Karpinets – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University; researcher at the Laboratory for the History of Southern Siberia, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.